

Дмитрий Стрoцeв
БУТЫЛКИ СВЕТА

МОСКВА

2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта

Вадим Месяц

Главный редактор серии

Андрей Тавров

Оформление серии

Валерий Земских

Маргарита Каганова

Дмитрий Строчев

Бутылки света. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы, 2009. — 88 с.

ISBN 978-5-91627-016-7

© Д. Строчев, 2009

© О. Дарк, 2009

© Русский Гулливер, 2009

© Центр современной литературы, 2009

Дмитрий Строцев родился в 1963 г. в Минске. Закончил архитектурный факультет Беларусского политехнического института. «Бутылки света» — пятая книга поэта. Живет в Беларуси.

ГНЕВ О СТИХАХ СТРОЦЕВА

Пусть это будет речь атеиста о религиозном чувстве. Или о религиозно-поэтическом. И, значит, речь постороннего, посторонне-завистливая речь, может быть.

У Тургенева в «Отцах и детях» Аркадий говорит с любимой девушкой о Гейне. «Я люблю Гейне, когда он плачет», — говорит она. «А я — когда он смеется», — отвечает Аркадий. — «Это в Вас следы Вашего нигилистического воспитания» (кажется, так), — говорит девушка.

След моего нигилистического (атеистического) воспитания — в том, что я люблю не когда Строчев смеется или плачет (две стороны одного и того же; «смех сквозь слезы» — парадокс потому, что это вообще специально отмечается, смех и слезы не-отделимы, как мясо от костей — кто-то сказал) — все эти его трагические и бурлескные сцены (сцены миру или Богу, которые поэт устраивает), бурлескно-трагические, изрядно отдающие Хлебниковым, а когда его стихи заливают ровный, чуть тусклый дымчатый свет, какой бывает летним полднем, — немного душ-ный, чрезмерный, пряный (свет):

что ты, рай, для меня
сердце-блюдец огня
кислородного утра подушка?

или
любимый мой
время идти домой
спит на цепях, в огнях-хрусталях
стеариновая подружка
и юлит итальянская музыка

я так весел с тобой говорить
по разумному саду ходить
певчих птиц называть-призывать...

комната, где собакой тени и те пахнут
где лохматые травы глохнут в молочных кувшинах
где над холмами хлама и книг потолок распахнут
сладкая пыль зевает..

комната шалью машет, конь из угла выходит
смотрит в огонь вишнёвый...

три ангела шумели
зелёною листвою
и кроны голубые
склоняли надо мной

и прядали ушами
в тревожной вышине...

8 *Причем источник этого света — в самих стихах, внутри них; кажется ничего за их пределами не имеет к нему отношения; мир замкнутый: воскресенье, детская, игрушки на полу, полузанавешенное оконце, оса жужжит и тычется в стекло. Стихи этот свет создают на наших глазах: ткнут, или прядут (солнечные лучи напоминают пряжу), или просто излучают. Чудо: слова начинают лучиться, попав сюда. Радость стихов (их самих, оттого, что они есть), нисколько не противоречащая драматизму. Драматическая радость, потому что почти театрально творится. Из предметов (рукотворных: статуэтка, женское платье, детская игрушка, предмет мебели или обихода), а точнее — из их названий; из явлений и вещей природы (названий: растения, животные), из человеческих отношений или воспоминаний (детство и дети, любимая, часто — жена).*

Стихи, возвращающие мир в райское состояние блаженства (до падения). Или так: стихи, которые в каждом явлении, предмете, вещи видят и чувствуют (и оттуда вызывают) первоначальную, фундаментальную радость. Ту, которая и была задумана изначально как основа мира. То ли детские считалки-скороговорки-песенки, то ли заговоры, то ли чуть невнятная, задремывающая речь растений, с этими переменами и перебивками, но всегда гармоничными; стихи поют себя (изменения мелодии, следование ей).

Тихая, почти незаметная (потому что она во всем, везде в его стихах, не локализована и неотделима от них) религиозность стихов Строщева. Не стихи о Боге или вере или какой-то такой проблематике (нисколько религиозной рефлексии). А рожденные религиозным взглядом (не нуждающимся в рефлексии и даже ей противоречащей; редкое сейчас качество, а нам есть с чем сравнивать: религиозных стихов сейчас отчего-то — или же понятно

отчего — в избытке) — на мир, у которого есть Творец, и Творец мир не оставляет вниманием, и постоянно говорит с ним (а поэт, как и положено, Ему отвечает), и следит за ним, и всякая Тварь (кроме человека, разумеется) знает об этом и по-своему славословит, поет Божество. На радость отвечает радостью.

Пение радости, «славься», гимнический характер стихов Строчева. Почти животная религиозная радость, ну, или радость растения, поворачивающегося вслед солнцу:

тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубенец...

или птицы:

летишь поёшь — и Бог тебе навстречу
и Бог с тобой — и ты один за всех

и с Богом говоришь как с первым встречным
о том что люди — нелюди как прежде
как прежде — и бездомны и бездумны...

9

Впрочем эта религиозность и ни в чем не нуждается (не только в рефлексии или в осознании себя — она себя почти не осознает как что-то специальное), но чуть ли и не в самом предмете веры. Религиозность, настолько заполняющая существо говорящего-поющего-летающего, что предмет ее не отделяется от него (отделение предмета веры было бы равносильно исчезновению поющего) и, значит, не превращается ни в предмет, ни в объект. Состояние, в котором границы между утверждением и отрицанием, славословием и кощунством («мы утверждаемся в сиротстве / как объясняем в любви») стираются и в котором кощунства просто не может быть, что бы верующий ни произносил (и, скорее, дело в том, как им произносится — в самозабвении, в самозаговаривании, с этими бесконечными нагнетающимися повторами):

и Бога нет на этом белом свете
и надо бы сказать ему при встрече
что Бога нет и Духа нет и Сына
которому хотелось бы сказать
которому хотелось бы доверить... —

парадоксальная, редкая ситуация, которую нелегко встретить где-то еще, кроме как у Строщева: Богу говорится, ему жалуется (безличный глагол) о Его отсутствии. Бога нет — вовне, потому что есть «я» и мое «внутри» («мой Бог»).

Бог внутри меня, как и внутри чего угодно другого: дерева, камня, игрушечного коня — в каждом из них, а не в мире как в их континууме («на белом свете»). Не пантеизм и не буддизм, потому что все дело в отдельности, единичности, «личности» предмета и в личности, единственности Бога (и его принадлежности «мне»).

(Мы прекрасно понимаем, что возможно и другое прочтение: «Бога нет на этом белом свете» — с акцентом на «этом» — означает покинутость, оставленность; оттого отсутствующему Богу и «жалуется» (безличный). Однако третья строка, разворачивающая ситуацию отсутствия, ее детализирующая — Бога, Духа, Сына — скорее, подтверждает первый принятый вариант. Впрочем, обе трактовки соединимы, и безо всякого противоречия, по заданной модели, где утверждение в сиротстве и есть объяснение в любви: Бога нет, не «несмотря на то», а «именно потому», что Он есть.)

10 Впрочем, это «внутри» строщевского летящего-поющего, в свою очередь, нарушает субъектно-объектные отношения. Это «внутри» не то, что можно рассматривать как особенное, в противоположности, скажем, поверхностному, внешнему (телу), облегающей оболочке. У строщевского героя есть только это летящее (им) внутреннее (немного напоминает о стихах Рильке, где телесное растворяется в движении (осыпается — у Елены Шварц). И, значит, если есть только это внутреннее, а оно и есть Бог, то строщевский герой сливается, совпадает с объектами своей веры: с Богом, и Духом, и Сыном — в зависимости от течения сюжета. Отождествляется. От этого происходят такие необыкновенные превращения «я» в его стихах.

Например, о ком это и кто (говорит)? И кому?

я книгу книгу на столе оставляю для тебя
я книгу книгу для тебя оставляю на сто лет..
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня..
а рядом с книгой на столе стоят часы часы
и рядом с книгой на земле часы идут идут..
что нет меня добра и зла что чернота бела
когда шепнут тебе шепнут что больше нет меня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня...

Стихотворение называется «Отец и сын». Естественно предположить, что это обращение к вполне земному сыну, разговор с ним, завещание земного отца, оба — смертные. И тогда, книга, которую оставляет сыну говорящий — книга поэта (герой и автор почти сливаются), речь о наследстве (но это-то, конечно, и в любом случае): мир, который поэт-отец оставляет своему сыну, — мифологический, райский, цветущий, счастливый, с морями, реками и животными («и все и все киты киты и все слоны слоны / в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены»), созданный, естественно для и ради сына, обращенный к нему и немного отсылающий своими параметрами к детским стихам и сказкам, как бы вбирающий их в себя, их обобщающий. Сам отец-поэт, смертный и затем, естественно умерший, остается жить в своей книге, и в сердце сына, и в оставленном после себя мире, как бы разлитый в нем.

Но такое «реалистическое», ограниченное прочтение, как всегда в отношении стихов Строцева, оставляет странную неудовлетворенность, ему сопротивляешься; эта интуитивная неудовлетворенность ведет нас дальше. Строцевские стихи всегда требуют большего, чем простые жизненные соотношения. Отец — Бог (Бог-отец), обращающийся к своему сыну, но, по всей видимости, не к Богу-сыну, а к человеку, Адаму. Тема Адама (как и райского, «разумного», то есть совершенно устроенного, сада) для Строцева вообще очень значима. В «Молчании Адама»:

ева
я устал
отец неугомонный
сеет жизнь
направо и налево —

это от лица Адама, недовольного и вяло бунтующего. Стихотворение «Отец и сын» — «к Адаму» (возможно посвящение), но Отец тут тот же и столь же неугомонный, творящий — мир, хорошо устроенный и населенный, созданный специально для человеку, что и явлено ему в откровении, которым становится стихотворение.

Тогда Книга (с большой буквы) — это и сам мир, прочитываемый (мир-книга, что-то вроде детской раскраски), и священная Книга, Завет. Влюбленность животных — это подчинение и послушание их Адаму. И становится понятно появление часов, идущих рядом с книгой: создание времени, и тоже ради Адама. А тогда понят-

но и отождествление Отца с добром и злом, если Его нет, то нет и добра и зла, их различия (белого и черного), а слова клеветников (нашептывания) об отсутствии Отца есть искусительная мысль о смерти Бога. И Его забвение. А бессмертие Его — не символическое, а вполне реальное бессмертие, а точнее — Его воскресение, через любовь к Нему (объятие, слияние). И среди оставленного Отцом в наследство оказывается, разумеется, и свобода воли: «и ты и ты бежишь бежишь летишь легко легко / и на лету ликуя пьешь свободы молоко...»

А тогда что это за «мадам» в варьирующемся интонационном рефрене стихотворения:

туда сюда туда сюда
летят ползут летят ползут
шары кубы шары кубы
шары кубы и барабан
пардон мадам пардон мадам
я барабан (вариант: чемодан) вам не отдам...
зачем мадам вам барабан (вариант: чемодан)...

12

(вспоминаются уголовные импровизации Сельвинского: «Вам сегодня не везло, мадамочка смерть, / адью, до следующего раза») — с игровыми, детски-считалочными, «чуковскими» интонациями (бог смеющийся). Клубящийся, крутящийся, кипящий мир с мелькающими сферами и фигурами (в другом случае — с движущимися, бегущими животными) и рядом с ним «мадамочка смерть», чуждая этому миру, преодолеваемая, обездолеваемая (оставляемая не у дел).

Что подразумевается под чемоданом или барабаном, которые смеющийся герой, использующий лексику «детской», ей не отдает, можно по-разному называть и трактовать (и при любом назывании, оттого здесь и происходит условная, считалочно-детская лексика, будут профанизироваться эти очень важные, сущностные вещи; лексика из детских стихов, почти эвфемизмы, — возможность не называть, табуирование). В любом случае, речь — о беспомощности, ограниченности, бессилии смерти (о завещанном бессилии смерти). Сквозь интонации детского стихотворения проступает живопись то ли Брейгеля, то ли Босха.

А вот другое «первое лицо» — в прекрасном стихотворении «В подземелье на черном полу...»; с трудом удерживаюсь, чтобы не привести целиком (впрочем, небольшое). Духовный стих, его легко

и впрямь представить в устах юного странника-пилигрима (Вагнер, песенка пиллигримов из «Тангейзера»).

В подземелье на чёрном полу
моя белая мама сидит
и на бедных прохожих людей
без обиды и страха глядит.

Кто копеечку ей подаёт —
не двурушник уже и злодей.
Моя белая мама поёт
для хороших прохожих людей... —

Впрочем, возможен и другой контекст: Рождественское представление, кукольный театр, вертеп, поющие мальчишки. (Вертеп — пещера). Один из мальчишек обходит с блюдом собравшихся.

(Песенный, поющий вариант этого стихотворения существует: Елена Фролова, композитор и певица, замечательно передала интонации этого стихотворения, и с тех пор я иначе как с этой аранжировкой уже не воспринимаю; только читаю это стихотворение — сам собой звучит и голос, и мелодия певицы).

Традиционно-религиозно интерпретировать персонажей стихотворения до крайности легко (опасно-легко): и «светлой» матери, и светлого и нагого ребенка, и «прохожих людей» с дарами. Но тут как раз и возникает вопрос о профанации: не догматического сюжета, а стихотворения. Едва только назовешь персонажей, соотнесешь напрямую, и сейчас же что-то произойдет с поэзией, от нее что-то отнимется (точно выщерблены). «Белая мама» — «шире» и древнее Богоматери. Да и зачем трактовки поэзии, где ангелы прядут ушами (и почему-то это их нисколько не унижает), небо — ладонь, сердце — блюдо, а речка — лодочка и можно «стоять вдоль» (неба, сада), а бытовые скульптурки «на холщовом покрывале» устраивают карусель, приходя в бесконечное движение:

мчались, всадники подковами-руками
до поводьев еле-еле доставали
танцевали эти всхолмленные кони
словно дети их губами рисовали

словно дети их без памяти лепили...

«Словно дети их губами рисовали» — повторяю я восторженно (или повторяется, отдается восторгом во мне). Я назвал свой скетч «Гнев о стихах Строщева», но, возможно, надо было бы назвать «Игра о стихах Строщева» — это был бы другой текст, вероятно, более отвечающий стихам, где происходит постоянная игра с очень важными вещами, и в процессе этой игры вещи, давно знакомые, точно обновляются, освежаются, открываются заново, перенесенные в пространство детской.

Олег Дарк

* * *

Маленький неврастеник
рисует на штукатурке
головокружительную галактику
и думает о Боге,
восседающем на облаке,
проповедующем математику.
Зануда-учитель
задал задачу
безалаберным ученикам,
а трудные школьники,
сукины дети,
пустили тетрадь по рукам:

Где дева-русалка
поёт под гитару
очаровательные куплеты
и прыгает на скакалке,
и мускулистые кентавры
отобрали у милиционеров пистолеты.
И всё пошло кувырком,
как кому хочется,
и обнимается с моряком
непропорциональная уборщица.
И дети целуют друг друга,
и ходит по проволоке
потусторонняя старуха
то ли во сне, то ли в обмороке.
И ломовые лошадки
выступают под куполом,
и на танцплощадке
ездит армия с рупором.

А бывший учитель
на излечении в дурке —
он выходит в окно к ученикам,
И маленький неврастеник
рисует на штукатурке
умопомрачительный океан!

1985

* * *

Снилось мне: я верю в Бога.
Прежде верить не хотел,
думал: подожду немного,
много нерешённых дел.

Я неверия не мерил,
знал, конечно: видит Бог.
Я не то чтобы не верил,
я довериться не мог.

Не умел, как говорится,
не идти как на убой,
а дорогой раствориться
в благодати голубой.

Будет всё теперь иначе,
напряжений прежних нет.
Видишь, Господи, я плачу,
я не плакал много лет.

Будет встреч сердечных много
у душевного огня...
...снилось мне: я верю в Бога,
да не верит Он в меня...

1986

* * *

Любовь — не угол.
Любовь — не круг.
Любовь — это шар.
Приходит подруга.
Приходит друг.
Это как пожелает душа.
Непросто спрятать.
Нельзя украсть.
Нелегко удержать.
Она не растрата.
Она не страсть.
Ею можно просто дышать.
Пьянящий запах,
и сильный ток,
и магнитный дым.
Любовь на запад.
Любовь на восток.
Если хочешь быть молодым.
Никто не словит
в глухой тюрьме
отголосок живой.
Она не в слове.
Она не в уме.
Она движется рядом с тобой.
Открытые двери.
Простое небо.
И ясный свет.
Я в полной мере
нигде ещё не был.
В полной мере меня ещё нет.

* * *

Дождь во мне — он идёт, как идёт
Я остался без крыши с утра
И теперь всё равно, что вовне, что во мне
Или как там ещё

Или сам я не тот за кого
Или вышел с утра из себя
И теперь целый дождь напролёт
Жалко нету ни капли вина

Может быть из высокой страны
Приплывёт величавый грузин
И в гортани посадит лозу
Я бы лучшего не пожелал

18

Может быть, я и сам добреду
По такому дождю до тебя
Жалко нет головы у меня
Может, вырастет после дождя

1988

* * *

мулики-манулики   карлики ушли
а меня оставили   на краю земли
мулики-манулики   я тебя люблю
карлики-макарлики   а ты

1988

* * *

Сергею Лапцевичу, рядовому

История каштана
в кармане пиджака
не менее прекрасна,
чем повесть о войне.

Товарищи остались
в немилой стороне,
а он души не чаёт
в кармане пиджака.

От двухгодичной спячки
очнулся в октябре.
Просыпался из пачки
остаток табака.

20

За мелочью ныряет
трёхпалая рука,
внимательные пальцы
скользят по коже.

Он без-году-неделю
валяет дурака,
от двухгодичной спячки
оправился вполне.

Не менее прекрасна,
чем повесть о войне,
история каштана
в кармане пиджака.

1988

* * *

Дерево! Ты любишь меня
таким, какой я есть?

*Да. И ты можешь на краешек пня
на минуту присесть.*

Спасибо! А то я устал —
в ушибах и шрамах пешеходные ноги.

*Тогда обними мой корявый поваленный ствол,
и мы станем на время не так одиноки.*

Дерево! Ты — живая душа.
Я уверенно слышу подспудное сердце.

*Правда? Ты веришь? Войди же тогда, не дыша —
У меня на груди потайная дверца.*

Дерево! Как у тебя хорошо.
А то я хожу в ожидании чуда.

*Знай, ты во мне своё чудо нашёл,
и теперь никуда не вернёшься отсюда...*

1989

* * *

Мне снится, что я авиатор,
и есть у меня ераплан.
А может, я просто придумал,
что есть у меня ераплан.

Большой, трехколёсный, фанерный –
красивый такой ераплан!
И может, мне завтра приснится
красивый такой ераплан.

И стану я, как авиатор,
садиться на свой ераплан
И стану летать за границу!
Не шутка ли – свой ераплан.

А стало быть, я авиатор.
Ведь есть у меня ераплан!
И может, мне всё-таки снится,
что есть у меня ераплан?..

1989

* * *

я хочу быть хорошим
очень хорошим
лучше всех

но я в небо подброшен
кем-то подброшен
жопой вверх

1989

* * *

замри
раз
два
три

голоса в квартире
три четыре

опять
пять

кто-то есть
шесть

давай спросим
семь
восемь

1989

* * *

Ло Бимину, китайцу

лета — ре к а мешки гладкие в летние воды летят
сладкая тля на ли с т е бли тра в ы водок гадких утят
дымное море в о круг ни д у ш и стый сияет цветок
дышит во с н е ударяет ве с л о во уносит поток

1989

* * *

левые да правые
все ребята бравые
все достали сабельки
расчесали усики
длинные волосики
нацепили крестики
звёздочки да свастики
левые да правые

да слова кудрявые

да налево улица
а направо звонница
пробежала курица
проскакала конница
пронесли убитого
провезли отпетого
богом не забытого
солнышком согретого
в половине пятого
это младший брат его
старшего убитого
мальчики несут его
дерево качается
голова не кружится
это только кажется
что они натешатся

свечечка не тушится

дерево качается
светлый не отчаётся
тёмный не откликнется
времена суровые
да идеи здравые
левые да правые

мальчики кровавые

1989

* * *

Алексею Захаренкову

я всё же буду говорить стихами
а нестихами говорить не стану
мне скучно — не стихами не стихами
мне любо потому что рифмовать

стихами говоришь — поёшь как будто
как будто птица ты — летишь куда-то
летишь поёшь — и Бог тебе навстречу
и Бог с тобой — и ты один за всех

и ты один за всех пред ним в ответе
один — за безнадёжных и надёжных
один — за безъязыких и языких
один как перст — и с Богом говоришь

и с Богом говоришь как с первым встречным
о том что люди — нелюди как прежде
как прежде — и бездомны и бездумны
и дыма нет — как прежде — без огня

а на дворе стоит тысячелетье
в Париже и Багдаде всё спокойно
всё там же собираются калеки
всё так же распрягаются ослы

и всё такие ж у прохожих лики
и всё такие ж у народа песни
и за такие речи — всё такое
и спасу нет и надо бы сказать

и смысла нет на этом белом свете
и то и это видеть в черном свете
делить природу на Восток и Запад
и смысла нет и надо бы сказать

и Бога нет на этом белом свете
и надо бы сказать ему при встрече
что Бога нет и Духа нет и Сына
которому хотелось бы сказать

которому хотелось бы доверить
свои несовершенные суждения
о непостижной тайне мироздания
о творческом устройстве бытия

которому хотелось бы при встрече
которому хотелось бы стихами
которому хотелось бы доверить
которому хотелось бы сказать

я всё же буду говорить стихами
а нестихами говорить не стану
мне скучно — не стихами не стихами
мне любо потому что рифмовать

* * *

знамо дело   дело знамо
это осы Манделыштама
это козы   это шашни
это бабилонской башни
дождевые языки
это дёргают ногами
будто тычут утюгами
плясовые мужики
это в нежных междуречьях
неумолчный разговор
на раздольях человеческих
подзамочных до сих пор
это рушатся в ночи
с веток чёрные грачи
это в мыслях невесомых
сыплет зёрнами подсолнух
это с башни головой
прямо в молот гробовой

1990

* * *

Алексею Захаренкову

скажем, в орла
попадает стрела
или коса на камень нашла
или нашла коса на камень
хочется в рифму сказать: каблуками
или не в рифму сказать: посошок

рыбку посадишь в цветочный горшок
кудри отпустит, от рук отобьётся
то подавай ей густой гребешок
то подпевай ей, когда распоётся
и потакаешь — а что остаётся

льётся вино
виноградной строкой
счастье дано
и оно под рукой

сетовать совестно, комплексовать
ямочку прятать в бородку петушью
лучше в альбоме коня рисовать
белой свечой, несмываемой тушью

или отломятся велосипеды
высыпать в поле, попить из копытца
хочется в рифму сказать: на раздолье
и не толпиться, и не торопиться

между собой ни о чем говорить
время терять, материть президента
или с друзьями ковчег мастерить
или не в рифму сказать: будь что будет
нынешним утром кто нас разбудит

катенька тенькает
дяденька тренькает
на балалаечке
бьёт барабан: т а р а б а м

рыбка, а срежется чуть каблучок
букой посмотрит, сожмётся, отчаётся
идёт бычок, качается
дичится дурачок

нет бы учить
иностранную речь
раны лечить
и патроны беречь

бодро светает — тбилисский петух
дивно ревёт, простота ерихонская
удаляется звёздный пастух
голова улыбается конская

1990

* * *

дочка-лодочка бежит по моей реке
речка-лодочка лежит у меня в руке
речка-лодочка-судьба у меня в судьбе
что я знаю о тебе   знаю о тебе

дочка-ласточка-стрела у меня в груди
от меня не уходи   и не уходи
чтобы радость не ушла   чтобы не ушла
речка-лодочка-судьба-ласточка-стрела

* * *

что мне куст говорит-горит
на высоком простом плече
он, как любящий взгляд, открыт
он кузнечиком спит в ключе

он горит-говорит-молчит
на широком, как грудь, ветру
где сутулая речь стоит
и усталую пьёт траву

где прямая скоба идёт
на бесслёзных идёт гробах
этот нежный костёр цветёт
как приветствие на губах

и так жалко глаза отвести
этот певчий ожог унять
и откуда нужда, ответь
если можно тебя обнять

33

1991

* * *

люблю часов ночных нескушную ходьбу
когда шумит во тьму нескошенное время
идёт и слушает, и кажется ему
ушами домоткаными прядает
а кто не спит в дому, никак не угадает
и я ему никак не намекну

а всё неспешно рушится к окну
а всё кипит, бежит за подоконник
и пеший всадник, безлошадный конник
нестрашный сон на башне сторожит
и белый свет, как неженка, блажит

а сердешное время на птичьих ногах ковыляет
то в гулкое темя сандаловым клювом стучит
и всё-то его на земле удивляет
и не спит обо всём, и на вечном наречье молчит

34

а в ночи как в ночи напролёт все распахнуты тяжкие окна и двери
и ветры снуют, и горькие кошки скребут по сусекам
и всё это время о слёзной и радостной вере
густыми снопами об руку идёт с человеком

1992

* * *

что ты, рай, для меня
сердце-блюдец огня
кислородного утра подушка?

или
любимый мой
время идти домой
спит на цепях, в огнях-хрусталях
стеариновая подружка
и юлит итальянская музыка

я так весел с тобой говорить
по разумному саду ходить
певчих птиц называть-призывать
только ты их привады

а как смотрят они из сада
дорогие твои глаза
а какие, сказать нельзя
и не надо

1992

* * *

Андрею Анпилову

комната, где собакой тени и те пахнут
где лохматые травы гложут в молочных кувшинах
где над холмами хлама и книг потолок распахнут
сладкая пыль зевает и шьёт на швейных машинах

где ветерком гуляет прохладная месса Баха
где за окном зелёным парус кипит балконный
где рукавом болтает и сохнет моя рубаха
там серебристый тополь кладёт поклоны

там молодого лета спирт голубой пылает
там льётся лучистой влаги ласковое веселье
там и поют, и плачут, и чашу испить желают
там за небесным краем для всех спасенье

комната шалью машет, конь из угла выходит
смотрит в огонь вишнёвый заспанными глазами
он на лету хватает всё, что рука выводит
и до конца не знает, что в тишине сказали

1992

* * *

Ане

Как маленькая рыбка,
счастливая улыбка
блуждает по лицу.
Она тебе к лицу.

Как маленькую рыбку,
не стали мы улыбку
на удочку ловить,
а взялись напоить

открытым нежным взглядом,
как сладким виноградом.
А чтобы не забыть
и до смерти любить —

как маленькую рыбку,
счастливую улыбку
мы стали рисовать,
как будто целовать.

1992

* * *

В подземелье на чёрном полу
моя белая мама сидит
и на бедных прохожих людей
без обиды и страха глядит.

Кто копеечку ей подаёт –
не двурушник уже и злодей.
Моя белая мама поёт
для хороших прохожих людей.

Я играю у маминых ног,
я, как мама, и светел, и наг.
И на плечи прохожих людей
опускается ласковый снег.

Кто копеечку нам подаёт –
не двурушник уже и злодей.
Моя белая мама поёт
для хороших прохожих людей.

В подземелье на нашем полу
мы ещё посидим-посидим,
утешая прохожих людей,
а потом мы пойдём поедем.

Моя белая мама поёт
для хороших прохожих людей.
Кто копеечку нам подаёт –
не двурушник уже и злодей.

1992

* * *

Михаилу Кочеткову

я проснулся в походном лесу
шли деревья себе на войну
эй! — деревьям я строго сказал
а они мне ответили: НУ

я зубами вгрызался в кору
я стучался в стволы головой
а они всё печатали шаг
свой задумчивый шаг строевой

эй! — сказал я пичугам лесным
что на гнёздах сидят и сидят
почему все идут и идут
и никто не вернётся назад

НУ, — сказали пичуги в ответ
мы на гнёздах идём на войну
ничего в этом странного нет
в этом странном задумчивом НУ

я проснулся в холодном поту
в человечьем горячем дому
ты плыла у меня на плече
я про НУ не сказал никому

1992

* * *

Алексее Жданову

эта книга набегает, как волна
от тоски она встаёт, из глубины
на губах её, на вывихе волны
только чайка одичалая одна

эта горькая ухмылка наготы
эта яростная лодочка стыда
от отчаянья бежит, из темноты
и встречает, где кончается вода

ни мольбы от пенных губ не оторвать
эту глубь ни умалить, ни умолить
эту книгу нам, как вену, открывать
но ни капли крови в небо не пролить

* * *

о Друзе мой, я заблудился
в твоей рукавице ночной
дитя в голубой колыбели
а я с безутешной женой

на чёрной голодной постели
где горькая рвётся трава
где слёзная правда пылает
и нас выжигает дотла

мне каменной соли упрёки
крупницы обиды святой
мне сломленных рук переплёты
и первых улыбок углы

о Друзе мой, я заблудился
в твоей рукавице ночной
есть чёрного света глазницы
есть свет голубой колыбели
и снег на постели земной

1992

* * *

чем сумею тебя разбудить
где возьму виноградное слово?
на армянской горе, может быть
или в камне оврага лесного

чтобы ты не спала, не спала
но шумела, шалила, бежала
чтобы сна золотая смола
полной грудью дышать не мешала

чтобы всё, что копилось в котле
отлегло, отошло, отшатнулось
чтобы ты в первый день на земле
с виноградной улыбкой проснулась

мне бы вымолвить, проговорить
начирикать, напеть, накалякать
словно камень тяжёлый открыть
и на первой странице заплакать

1993

* * *

Николаю Романовскому

в словаре, в словаряре
зол народ-кипяток
от щедрот, государи
нам бы капель пяток

мы бы пели-пьянели
вам доселе хвалы
там, где хмели-сунели
да синели холмы

там, где мы не трезвели
на угольях ночей
колыбельные звери
всё не сводят очей

чтобы нам разрываться
разрыдаться рудой
а потом умываться
колокольной водой

1993

* * *

мы в Грузии, как в чёрной вазе
мы в Азии, как на гвозде
на остром, как тоска, алмазе
в невыносимой высоте

на этом острове, как в оспе
как в детской клятве на крови
мы утверждаемся в сиротстве
как объясняем в любви

и в алой пасти, в самой бездне
над нами свет многоочит
и в поднебесье, как в болезни
сухая косточка стучит

1993

* * *

любимая, ты дышишь в мелочах и морщинах
ты всё, от чего я бегу, близорукий
мне нужно подносить тебя к глазам
тогда увижу
и взгляд переведу

я тоже весь в оглядке петушиной
в косящей дрожи
в роковом глазке
а должен быть с тобою целомудрен и терпелив
и не искать вниманья на бегу
губами губ

так что ж она меня благодарит
за каждое моё прикосновенье!
за грош сосредоточенности горький
за угол зрения, которого стыжусь

как будто я немощен
и хочу быть утешен

1993

* * *

губы выпили небо, и на вдох ещё неба осталось
на медленный, полный вины и надежды
ещё ты нас любишь
ещё не уйдёшь — на пороге заплачешь, на выдохе

обнимешь узкие плечи
высокое небо наполнишь свободой и хвоей
сдвинем дружно стаканы!
за волю дышать
за камень и воздух
нежно
и всё возможно

и ты между нами
и руки твои
и слово твоё — небо на губах

* * *

в шерсти горячей прячет виноград сырая дочь
как сердце прячет
она — весна, чьё платье талое в стакане плавало небесном
как плакала душа в саду чудесном

в широкой мысленной ночи
под молнией пастушьей
меня мычанью научи
и вольности послушной

чтоб играл виноград по холмам как дальний гром

где кровь, как шерсть, вопит
да бессонный словарь спит
да вширь скула идёт
и вмерзает душа в лёд

ты говоришь, а волосы твои мне говорят
как лёгкие шары, что по сердцу, как первенцы летят
как царь восклицает, танцует и целует виноград
что две из трёх околицы благовествуют и приветственно горят

весна, как хлипкое ребро, как лодка слуховым плечом
врезается в песок мычанья, в плач и жалобу взхлёб
удочерили чтоб, укрыли
и тёплое питьё, как милость, поднесли

1994

* * *

Игорю Полевикову

кони глиняные ноги оторвали
шеи глиняные вытянули кони
распластались на холщовом покрывале
и застыли, словно вышиты на ткани

мчались, всадники подковами-руками
до поводьев еле-еле доставали
танцевали эти всхолмленные кони
словно дети их губами рисовали

словно дети их без памяти лепили
неподатливые гривы разминали
словно кони эти замертво упали
снова сломанные головы подняли

снова глиняные ноги оторвали
шеи глиняные вытянули снова
распластались на холщовом покрывале
и бежали, и не выростили слова

1994

* * *

тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубенец

слышу-слышу под травой
бьётся сердце головой
в пепел голубой

поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поет

1994

* * *

Ольге Седаковой

давай собирать слова и строить дом
возьмём разговора ковёр тарабарский
узорочье речи
дикарский могучий глагол
гул-гомон имён, весь гагачий
весь галочий, птичий базар человечесий

уйдём с головою в окно слуховое
выю выгнем
ухо выгоним в сад
в чирк и щебет сокровищ ярчайших
в гвалт и цвирк сладкогласных вещей
в громыханье и цокот, в техканье и сопенье
шак, лампочек, розог, фуфаек
карамельей, циновок, жаровен, вагонов, колец
да поди всех привады, приручи, обвенчай, пожени
дай из блюдца умыться водой
перед книгой стоять молодой

власогласый орёт букварь на цветущих корнях велимира
кристаллический щёголь к нему говорит, мигочей
имяходцы они, неботроги они, храмодעי
реченосцы они на голодных тетрадных полях

черно-белая книга шумит
черноплодная книга горит
белогривая книга говорит

что за птицы, за птицы в винограднике ближнем клюют и поют
сад так чудно устроен, как флейта, он полон ветвями и пуст
каждый куст обитаем, огромен-укромен, исполнен и ягод, и птиц
есть гнёзда, есть гроздья — здесь комнат не вьют
твой труд неуместен, строитель
здесь птицы темницы не строят, но даром клюют и поют

мы на свадьбу призвали слова, из красивых камней
мы нестрогую книгу сложили, отвесную реку
вниз по камешкам мчится нестройных речей борода
дом, как дым, не стоит — он, как сон законный, теснится
в нём строитель бездомный перед садом бездонным молчит

1994

* * *

я, выйдя в небеса
увидел в небе сад
как мне теперь назад
вернуть мои глаза

они теперь как ртуть
как ягоды во рту
им кажется за труд
поплакать поутру

поплачут, поглядят
на сад после дождя
и плакать захотят
как малое дитя

1994

* * *

Вениамину Айзенштадту

я как в огонь вошёл в круг обнажённых женщин
я захотел смотреть и почувствовать огонь
и словно мне задеть и возмутить их нечем
я сам вошёл в их круг открытый, как ладонь

я буду зорко пить, а после нарисую
движенье этих тайн, деревья этих тел
летучую, как спирт, бессонницу-плясунью
которую испить до смерти захотел

я буду рисовать поющие предплечья
лопатов корабли, ликующий живот
всю бездну, весь простор, всё небо человечье
всех прядок и холмов счастливый хоровод

за этот слёзный круг, за благодать такую
я щедро заплачу — предчувствую, как вдруг
я странно закричу, смертельно затоскую
и женщину схвачу, и выпущу из рук

1994

* * *

где советы висят на оси
у совы о сове ты спроси
о невесте, о совести той
что слабеет от вести простой

где роняет по осени та
золотые весы пустота
и, покоясь по пояс в золе
небоседы ползут по земле

дева-молния гневом бела
колокольнею с неба плыла
на колени упала — вдова
и в мгновение изнемогла

54

тихой тенью растенью шурша
о душе узнавала душа
на ветру изнывала она
вот умру я и стала волна

1995

ГНЕВ ОБ АРОНЗОНЕ

хорошо стоять вдоль неба
хорошо стоять вдоль сада
никуда стоять нелепо
ни за чем стоять не надо

ты не клятва, а молитва
ты не битва, а свобода
Иисусова улитка
и улыбка небосвода

у меня в кармане слева
небольшой глоточек неба
и ещё кусочек гнева
или это сердце слева
или это сердце слепо

1995

* * *

мне надо эти камни отогреть
замшелые сырые валуны
мне страшно незаметно умереть
без боли, без печали и вины

как будто эти камни говорят
мне стоны журавлиные одни
как будто выбегают из оград
как дети нелюбимые они

мне надо меж камнями каменеть
темнеть лицом дождливым и простым
мне надо между ними онеметь
счастливым немцем каменных пустынь

родных камней весенние стада
лениво разольются по холмам
мне страшно задохнуться от стыда
что жизнь моя — единственный обман

1995

* * *

этот дар слепоты
этот огненный дар
на лице чистоты
только каменный шар

только пламенный куст
как слепая гроза
всеми пальцами чувств
осязает глаза

и нательная тьма
износилась дотла
и пустыня ума
как святыня бела

1996

* * *

кто по склону бежит без шапки
так блаженно и безоглядно
только чудом никто не видит
будет слава ему и наука

только солнце себя не помнит
из груди каланча несётся
а навстречу ему, навстречу
осекаясь, вопит другое

почему ты, отец, без шапки
лают злые глаза, как собаки
вверх тормашки гремит и скачет
только струны седые длятся

я из сада увидел сына
он катился с горы, как заяц
а над ним расплескалась птица
только миг — и совьётся в пламя

1996

* * *

Елене Шварц

Давай себя развеселим —
пойдём гулять в Ерусалим!

Ты будешь ехать на ослиати,
а я глядеть в окошко сзади —
галдеть и злить худую смерть,
плясать и петь пред ней, как снеть.

Пускай вопит и ненавидит,
как слива, лопнет и ослепнет —
и ни обидит, ни увидит,
как детвора растёт и крепнет,
как со двора пойдёт гурьбою
в Ерусалим. А нам с тобою
из-под земли — из самой ямы
на них глядеть глазами мамы.

1996

* * *

памяти Людмилы

шум и пение трав и крыл
я свободно глаза открыл

кто ты, света и тьмы громада
твёрже слуха и раньше взгляда

минералы
цветы
лучи
так в ночи
умирала
ты

дни бегут, мы выходим в поле
птицы в небе и дети в школе

шум и пение, тьма и свет
сердце новое, смерти нет

я бегу из земли и внемлю
чтобы петь и оплакать землю

1997

* * *

одолей меня, у людей меня отними
утоли меня, удали меня, обними

рану тяжкую в белом пламени поднеси
яму выдолби, душу выними и спаси

горем выдели, солью выряди, ослепи
морем выведи, кровью вымоли, искупи

в воскресение, в утро синее повстречай
где, спроси меня, скука зимняя и печаль

1997

* * *

памяти Вениамина Блаженного

Я пса люблю. Его скалистый череп.
Его блохастый шутовской кафтан.
Вот он выходит на пустынный берег —
а перед ним кипит кровавый океан.

Кровавый рот вселенской мясорубки
орёт, блюёт осколками костей.
Пёс, как струна — отзывчивый и чуткий,
гробами горя смотрит на людей.

Мне сладко спать в его смердящей шерсти,
в его гниющем тлеющем паху.
Так сладко спать бывает после смерти —
хоть на спине, хоть лежа на боку.

1998

* * *

Хлебников — наш учебник,
собор трав лечебных.
Только нас не любили —
учителя убили.

Мы, дети, собираем жуков,
глядь: дядя В. Хлебников.
Мы к нему ручьи: Велимир!
А он молчит: Будьте людьми.

1999

* * *

1.

Дуплетом выпалило лето —
шампанские дымят букеты.
Тумана рыхлое вино
грядёт в открытое окно.
Как вор, вдыхаю эти вина,
к утру из горла войлок выну.

2.

Я пил. Я опрокинул сад.
Скользнуло озеро со звоном.
Осколки пахнут Аронзоном
и рыбки медленно висят.

2000

* * *

Виктору Копытько

Боже, храни конькобежцев –
детей, бегущих,
догоняющих сердце,
полное Тобой.

2001

* * *

Боже, утоли пьяницу,
Беглеца грудного.
В это свободное сердце
Ускользает бездна Твоя.

2001

65

* * *

Утоли, Душе, пьяницу,
Птенца грудного.
В этом алчущем сердце
Вся бездна для Тебя.

2001

* * *

папа
куда эти рельсы
в моё детство
а тогда откуда
из твоего
андрюша
нет
я не выдумываю

да
многое
всё
переменилось
за тридцать лет
тридцать лет
но не эти
серебристые и пирамидальные
не эта полынная глушь и кутерьма
сверчки
солдатики
бронзовики
не эта распаянная твердь
и благоуханные шпалы
и рельсы
хлынувшие
от тебя
ко мне

2002

МОЛЧАНИЕ АДАМА

Ане, жене и соавтору

ева
я устал
отец неугомонный
сеет жизнь
направо и налево
дарит дыхание
легионам и легионам
я просто
не успеваю за ним

я нарекаю имена
всей этой твари
которой нет конца
это просто ад
пойми
я мечтаю
о своём творчестве
я хочу называть
свои изделия

2002

* * *

Владимиру Бережкову

три ангела шумели
зелёною листвою
и кроны голубые
склоняли надо мной

и прядали ушами
в тревожной вышине
и твёрдыми стопами
стояли на земле

и ниткой бирюзовой
серебряной иглой
на сердце вышивали
мне радость и покой

на сердце клали бисер
гранат и лазурит
и болью бирюзовой
вся вышивка поёт

три ангела губами
жевали как во сне
три ангела зелёных
молились обо мне

2004

* * *

Ирине Кодюковой

в дивных яслях разговора
на ресницах-полюсах
несказанная свобода
и синица в небесах

в январе апрельский порох
город вымыт рукавом
я скажу тебе, кто дорог
не забуду ни о ком

я хочу проговориться
всю кручину разогнать
январю как очевидцу
половицей простонать

это я в потьмах сургучных
заблудился и пропал
и супругов неразлучных
зарубил и закопал

это я ягнят безгласных
лютым голодом морил
а себе на углях красных
сердце верное варил

ты меня из всех неверных
избери и порази
а невинно убиенных
исцели и воскреси

хорошо звенит синица
над еловой головой
разговаривает птица
пререкается со мной

в крепком воздухе субботы
воскресение растёт
и никто твоей свободы
у тебя не заберёт

и ничья божба и злоба
не прибавятся ко мне
разрешительное слово
разгорается во тьме

2005

ТРИСМЕРТНИК

1.

навстречу шёл обоссанный котёнок
разевая молитвенный рот
его нарочно не убили
раздавили живот

ты подняла смертельной вони комок
выбирала из косточек блох
завернула в тряпицу божественный мох
к утру ребёнок высох

2.

я чёрных детей гниющих
ангелам предпочту
ангелам с влажной речью
и ножницами во рту

на перьях ночи висящим
совеющим над детьми
но ангел-чернорабочий
в работу меня возьми

из серой пугливой глины
из рыжих моих костей
воздвигни ковчежец дивный
для чёрных гнилых детей

из серой пугливой глины
из рыжих моих костей
воздвигни ковчежец дивный
для голых ночных людей

3.

ещё ты в поле и в лесу
танцуешь и целуешь в сердце
ещё ты в трепетных листах
и в убиенном иноверце

он так уродливо лежит
на людной площади базарной
и, оскользаясь, кровь бежит
по мыльной плитке тротуарной

он был ливанец или жид
с его оскалом некрасивым
он в наш торговый монастырь
пришёл с уставом нечестивым

ещё ты в этом остром горле
в его слепящей красоте
ещё ты в каждой чистой жертве
на тротуаре — на кресте

ещё ты в поле и в лесу
танцуешь и целуешь в сердце

1996-2006

ОТЕЦ И СЫН

я книгу книгу на столе оставлю для тебя
я книгу книгу для тебя оставлю на сто лет
она не бомба пистолет не бомба пистолет
ты будешь будешь в ней читать слова слова слова
слова слова зажгут зажгут твои глаза глаза
и сердце сердце разожгут слова слова слова
и звери звери побегут в твои глаза глаза
и реки реки потекут в твои края края
они без края разольют твои моря моря
а в сердце в сердце запоют сады сады сады
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня

а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
а на скаку на всем скаку его не удержать

73

а рядом с книгой на столе стоят часы часы
и рядом с книгой на земле часы идут идут
и кто сильней и кто сильней и чьи шаги слышней
но ярче всех шагов земли слышны твои твои
твои твои шаги шаги слышны слышны слышны
и для тебя и для тебя все бездны зажжены
и все и все киты киты и все слоны слоны
в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены
тебе лишь стоит захотеть лишь стоит захотеть
и всё и всё пойдёт пойдёт бежать бежать лететь
и ты и ты бежишь бежишь летишь легко легко
и на лету ликуя пьёшь свободы молоко

туда сюда туда сюда
бегут плывут бегут плывут
слоны киты слоны киты
слоны киты и чемодан

пardon мадам pardon мадам
я чемодан вам не отдам
зачем мадам вам чемодан
пardon мадам pardon мадам
а в нём а в нём слоны киты
слоны киты бегут плывут
бегут плывут туда сюда
туда сюда и чемодан

тебе тебе даны даны дары дары дары
все дни и ночи все пути и все миры миры
тебе тебе дано дано дары дары хранить
но для игры миры миры ты волен изменить
твой отчий мир твой нежный дом уже не дорогой
тебе заменит волчий мир тревожный сон другой
тебе откроют зеркала кривые зеркала
что нет меня добра и зла что чернота бела
когда шепнут тебе шепнут что больше нет меня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня
и в сердце в сердце загляни и обними меня

туда сюда туда сюда
летят ползут летят ползут
шары кубы шары кубы
шары кубы и барабан
пardon мадам pardon мадам
я барабан вам не отдам
зачем мадам вам барабан
пardon мадам pardon мадам
а в нём а в нём шары кубы
шары кубы летят ползут
летят ползут туда сюда
туда сюда и барабан

а если ты совсем забыл а если ты забыл
того кого ты так любил того кого любил
я не забуду всё равно и буду всё равно
и буду буду буду ждать как ждёт в земле зерно
и как зерно и как зерно я для тебя умру
а ты вернёшься поутру проснёшься поутру
а ты а ты бежишь бежишь летишь легко легко
и на лету ликуя пьёшь свободы молоко
тебе тебе даны даны дары дары дары
все дни и ночи все пути и все миры миры
и все и все киты киты и все слоны слоны
в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены

ты книгу книгу разверни у сердца у огня
и в сердце в сердце загляни и обними меня
а сердце сердце рождено бежать бежать бежать
и на скаку на всем скаку его не удержать

2006

* * *

Белле Сосновской

я сохранил бутылки света
в саду стоят бутылки света
теперь толпятся на окне
теперь играют на стене

я сохранил бутылки света
в чулане сердца моего
где скелет велосипеда
я к чулану подошёл
и в распахнутые двери
не увидел ничего

я сказал
вино рассвета
я в бутылки наливал
я сказал
вино заката
я в чулане не нашёл
и в распахнутые двери
безоглядно побежал
и скелет велосипеда
где-то радостно заржал

я нашёл бутылки света
в паутиновых чулках
и понёс улыбки света
как ребёнка на руках
о скелет велосипеда
я споткнулся на пути
и скелет велосипеда
проводил меня до двери

приходите люди звери
я вам спою вино рассвета
я вам спою вино заката
я сохранил бутылки света

теперь несутся из груди
теперь толпятся на окне
теперь играют на стене

в саду стоят бутылки света

2007

* * *

памяти Корнея Чуковского

пока фонарик-светлячок играет на ковре
встает она, шумит она дубовую листвою
а из неё, из глубины, из тьмы древесных пор
на огонёк глядят они, скрипучие жуки

и чем кора её плотней и темнота полней
и чем плотней вокруг ковра сгущается она
тем ярче, кажется, горит фонарик на траве
и тем внимательней глядят рогатые жуки

они чешуйками скрипят, как будто говорят
пока она не заплела собою весь простор
пока фонарик-светлячок горит среди корней
как будто слушают меня жуки-дубовики

а я пою: ты — не стена, а тёмная волна
и слышу тёмный и живой я каждый выдох твой
а я танцую на ковре, пока глаза горят
пока из тьмы, друзья мои, скрипят твои жуки

2007

* * *

Тамаре Лаврентьевой

не люби её
слышишь
водку её не пей

говор её татар
табор её цыган
гжель её божей

водку её не пей
не люби её
слышишь

ветхий люблю китаи
север её и юг
и на пруду трамвай

так я её люблю
слышишь

2007

* * *

говорил утконос сонокту лировог
я на речку ходил лидоуху кчераня
я на птичку глядел леद्याлгу кчитпаня
я на утку похож жохопу ктуаня

2008

* * *

обыкновенный мальчик обыкновенный
не обольщайтесь дима
сказала Богатая Тётя
это она о тебе сказала
мой необыкновенный

загляни в свой мрак
говорила она
когда закроешь глаза любви
найдёшь его там
и с закрытыми глазами
познаешь
ничего не стоит этот прах ничего
это она о тебе говорила
мой свет

не обижай лучезарную сестру твою
не закрывай глаза
не бойся

2008

* * *

Инне Кулишовой

олени затмевают мир
зевая грозными глазами
они взывают к Пиросмани
Нико поговори с людьми

Нико поговори с детьми
они пока играют с нами
пока невзрослыми слезами
капризный умывают мир

как просто вырастает Ленин
как быстро озверевает Сталин
они людьми пока не стали
пока прекрасные олени

пока колени преломив
Нико рыдает вместе с нами
святой ребёнок Пиросмани
олень-страдалец меж людьми

2008

* * *

пахнет воском
Мишка пахнет воском
Мишка — бог и властелин
под ногтями пластилин
плавится и мнётся пластилин
в пальцах вырастают свечи
оживают в пальцах человечки
Мишка доску постелил
поставил твердь и землю населил

города богаты
на шкафах фрегаты
Михаил над войском
битва пахнет воском
пахнет воском

плавится и мнётся пластилин
кто тебе под небом танаисским
кто тебе в болоте беотийском
в солнечном заливе таганрожском
лунную дорожку постелил

пахнет воском
книжка пахнет воском
в Книге — Бог и человек
угасает человек
плавится и мнётся пластилин
воскресает Богочеловек
Душе — Мишу исцели

Царю Небесный
повитай над бездной
повитай над мозгом
тайна пахнет воском
пахнет воском

2009

* * *

мгновенье сады зашумят зашумели

густые шмели загудят загудели

постели пустыни пустые пустели

мгновенье скворцы прилетят прилетели

2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гнев о стихах Строчева</i>	7
«Маленький неврастеник...»	15
«Снилось мне: я верю в Бога...»	16
«Любовь — не угол...»	17
«Дождь во мне — он идёт, как идёт...»	18
«мулики-манулики...»	19
«История каштана...»	20
«Дерево! Ты любишь меня...»	21
«Мне снится, что я авиатор...»	22
«я хочу быть хорошим...»	23
«замри...»	24
«лета — ре к а мешки гладкие в летние воды летят...»	25
«левые да правые...»	26
«я всё же буду говорить стихами...»	27
«знамо дело дело знамо...»	29
«скажем, в орла...»	30
«дочка-лодочка бежит по моей реке...»	32
«что мне куст говорит-горит...»	33
«люблю часов ночных нескушную ходьбу...»	34
«что ты, рай, для меня...»	35
«комната, где собакой тени и те пахнут...»	36
«Как маленькая рыбка...»	37
«В подземелье на чёрном полу...»	38
«я проснулся в походном лесу...»	39
«эта книга набегает, как волна...»	40
«о Друже мой, я заблудился...»	41
«чем сумею тебя разбудить...»	42
«в словаре, в словояре...»	43
«мы в Грузии, как в чёрной вазе...»	44
«любимая, ты дышишь в мелочах и морщинах...»	45
«губы выпили небо, и на вдох ещё неба осталось...»	46
«в шерсти горячей прячет виноград сырая дочь...»	47
«кони глиняные ноги оторвали...»	48
«тихой глиной накормлю...»	49
«давай собирать слова и строить дом...»	50
«я, выйдя в небеса...»	52

«я как в огонь вошёл в круг обнажённых женщин...»	53
«где советы висят на оси...»	54
ГНЕВ ОБ АРОНЗОНЕ	55
«мне надо эти камни отогреть...»	56
«этот дар слепоты...»	57
«кто по склону бежит без шапки...»	58
«Давай себя развеселим...»	59
«шум и пение трав и крыл...»	60
«одолей меня, у людей меня отними...»	61
«Я пса люблю. Его скалистый череп...»	62
«Хлебников — наш учебник...»	63
«Дуплетом выпалило лето...»	64
«Боже, храни конькобежцев...»	65
«Боже, утоли пьяницу...»	65
«Утоли, Душе, пьяницу...»	65
«Папа...»	66
МОЛЧАНИЕ АДАМА	67
«три ангела шумели...»	68
«в дивных яслях разговора...»	69
ТРИСМЕРТНИК	71
ОТЕЦ И СЫН	73
«я сохранил бутылки света...»	76
«пока фонарик-светлячок играет на ковре...»	78
«не люби её...»	79
«говорил утконос сонокту лировог...»	80
«обыкновенный мальчик обыкновенный...»	81
«олени затмевают мир...»	82
«пахнет воском...»	83
«мгновенье сады зашумят зашумели...»	84

Дмитрий Строчев
БУТЫЛКИ СВЕТА

Книга стихотворений

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Верстка Андрей Демченко

*«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru*

*Подписано к печати 00.00.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.*

*Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12*